

Маршал Жуков, или... генерал Бонапарт?

На июньском Пленуме Жуков вместе с другими державшимися отца кандидатами в члены Президиума ЦК: Козловым, Фурцевой, Шверников, Брежневым, а также просто секретарями ЦК Беляевым, Аристовым, новичками Игнатовым и Куусиненом становится полноправным членом Президиума ЦК. Тем летом он несколько раз появляется у нас на подмосковной даче. Внешне отношения между ним и отцом выглядели безоблачными. Они подолгу гуляли по дорожкам парка, что-то обсуждали, смеялись.

Потом мы с отцом некоторое время не виделись. Мы с женой и нашими институтскими друзьями уехали на «Победу» путешествовать по Кавказу. Отца задержали дела, и он смог выбраться в отпуск только в самом конце августа. По пути в Москву мы, переправившись на пароме через Керченский пролив, на пару дней заскочили к родителям, отдохавшим на госдаче в Ливадии. Там они принимали многочисленных гостей, в том числе и Жукова. В отличие от остальных, отдохавших семейными парами, маршал приезжал к отцу один; как я уже упоминал, с женой Александрой Диевной он давно расстался, по слухам, на своей даче он жил с некой Галиной, по специальности врачом. В гости он Галину не брал. В один из дней всей компанией отправились в горы, в заповедник, не охотиться, а погулять, пострелять из ружей по тарелочкам, полакомиться шашлыками. Там, в Крымских горах, я видел маршала Жукова в последний раз. Он стоял под дубом в клетчатой ковбойской рубашке и о чем-то оживленно беседовал с отцом. На следующий день мы с женой продолжили свое автомобильное путешествие, спешили в Москву к 1 сентября, в институте наступала дипломная пора. Отец с Жуковым оставались в Ялте до конца сентября. Затем они разъехались. Жуков улетел в Москву готовиться к намеченному на начало октября официальному визиту в Югославию, а отец, приняв вдову американского президента Франклина Рузвельта – Элеонору, уехал в Киев на маневры сухопутных сил.

В Югославию Жуков отбыл, как и подобает министру обороны: из Севастополя, на тяжелом крейсере «Куйбышев». Его командир вспоминал через много лет, что маршал пребывал в хорошем настроении, шутил, в разговорах тепло отзывался об отце, однажды за обедом произнес тост за его здоровье. Визит проходил успешно. Не забывавшие недавней войны югославы подчеркнуто демонстрировали свое уважение человеку, к чьим ногам пал Берлин. За Югославией потянулась Албания, и ей хотелось принять высокого гостя.

И тут как гром среди ясного неба: 27 октября, в воскресенье, на последней странице газеты «Правда» в рубрике хроники появилось сообщение, что Президиум Верховного Совета СССР назначил маршала Советского Союза Малиновского Родиона Яковлевича министром обороны СССР. Чуть ниже мелким шрифтом была набрана информация об освобождении маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича от этой должности. И никаких комментариев! Ни на последней, ни на первой странице.

Выходной день вся семья, как обычно, проводила на даче, и я попытался расспросить отца. Он только буркнул в ответ, что в силу различных обстоятельств товарищи сочли такое решение своевременным.

– Так будет лучше, – неопределенно сказал он.

Я ничего не понял, но тон и поведение отца ясно демонстрировали: дальнейшие вопросы ни к чему не приведут.

В тот день я случайно оказался свидетелем их, видимо, последнего разговора.

Я входил в дом, когда раздался телефонный звонок. По звуку я определил: кремлевка и рванулся побыстрее снять трубку, но отец уже направился к телефону, махнул мне рукой: мол, не надо, сам подойду. Замешкавшись, я ненароком подслушал разговор.

– Здравствуй, Георгий, – глухо ответил отец на приветствие.

Я наострил уши и уже намеренно задержался в прихожей. Так, по имени, отец называл только двух людей: Маленкова и Жукова. Первый в октябре 1957 года звонить не мог, значит, Жуков. Он спешно вернулся в Москву. После приветствия наступила пауза. Согласно воспоминаниям Жукова, он сказал отцу: «Ты теряешь друга».

– А так, как ты, друзья разве поступают? – недовольно возразил отец. Опять растянулось молчание. Дольше топтаться в прихожей стало неудобно, могло попасть от отца за подслушивание. Я прошел в столовую. К завтраку постепенно собиралась вся семья. Через несколько минут вернулся отец. Невольно я вскинул голову с немым вопросом.

– Жуков звонил, – сказал отец, ни к кому не обращаясь.⁴⁷

Сейчас, по истечении десятилетий, слова Жукова: «Ты теряешь друга», приобретают пророческий смысл. Хотя дружба в политике и между политиками понятие весьма относительное.

И тем не менее, позволю себе пофантазировать. Кто знает, если бы отец не избавился от Жукова, а затем и от Серова, то и его судьба могла сложиться иначе. Возможно, не произошло бы сговора членов Президиума ЦК, поддержанного новыми, более сговорчивыми министром обороны Малиновским и председателем КГБ Семичастным, приведшего к отставке отца семью годами позднее, в октябре 1964 года. Возможно... А возможно, что отца бы сняли не в 1964, а в 1958-м или даже, том же 1957-м. И не Брежнев с Шелепиным, а Жуков с Серовым. Правда, Жуков Серова невзлюбил еще с конца войны, тогда Жукова назначили командовать оккупационными войсками в Германии, а Серова Сталин приставил к нему соглядатаем, сделал его первым заместителем командующего группой советских войск.

Ну и что из того? Политика порой сводит вместе людей из самых разных лагерей. Светла же она откровенно презиравших друг друга Брежнева с Шелепиным, почему бы ей не свести вместе Жукова с Серовым? Все возможно.

3 ноября «Правда», как впрочем, и все остальные газеты, сообщила, что в октябре, дата не называлась, состоялся Пленум Центрального комитета, который обсудил вопрос об улучшении партийно-политической работы в Советской армии и Военно-морском флоте.⁴⁸

Последний абзац гласил: «Пленум вывел из состава членов Президиума ЦК и из членов ЦК товарища Жукова Г. К.». Никаких вразумительных комментариев ни тогда, ни впоследствии не было. Не добавило ясности и опубликование в печати постановление Пленума. В партийных организациях, особенно в Вооруженных силах, его проработали, единодушно одобрили, провели партийно-воспитательную работу. Вопросы задавать в те годы еще не привыкли: начальство само знает, о чем можно, а о чем нельзя говорить.

Когда отец уже сам оказался на пенсии и мы занялись работой над его мемуарами, я несколько раз задавал ему вопрос о причинах увольнения Жукова. Отец рассказывал без особой охоты. Видно было, что эти воспоминания ему удовольствия не доставляли.

Отец умер уже почти полвека тому назад. И со времени отставки Жукова прошло более полувека. Жуков стал национальным героем, и заслуженно. О нем написано множество мемуаров, книг и статей, учрежден орден Жукова, в Москве установили его конную статую. Статую победителю в великой и кровавой войне. Естественно, на таком фоне отставка Жукова рассматривается как шаг, отнюдь не украшающий отца, оно представляется как предательство и завистливая неблагодарность.

⁴⁷ По архивным источникам можно уточнить дату разговора: 27 октября.

⁴⁸ Пленум ЦК работал 28–29 октября 1958 года.

Выставлять оценки государственным деятелям, а отец и Жуков, без сомнения в их числе, дело неблагодарное. Попытаюсь лишь восстановить логику событий июля – октября 1957 года.

Итак, 22 июня 1957 года Пленум ЦК встал на сторону отца, «антипартийная» группа разгромлена. Но вопросы оставались. У отца не шли из памяти слова Жукова, вырвавшиеся у него вечером 19 июня на совещании в его кабинете в ЦК, на второй день противостояния. Как решительно он тогда произнес: «Их я арестую. У меня все готово».

«Что готово? Почему готово уже в первые дни? – отец и так и эдак осмысливал и переосмысливал сказанное Жуковым. – Для того чтобы быть готовым, надо готовиться. Значит, он готовился? К чему готовился?»

И еще это: «Если понадобится, я обращусь через вашу голову, через голову, подвластных вам армейских и местных партийных организаций, к народу, к армии!» Слова Жукова тогда здорово перепугали оппонентов, но и у отца не могли не вызвать неосознанной тревоги. Значит, он уже думал об обращении к народу, к армии – своем обращении к *своему народу, своей армии*.

На собраниях, проходивших после июньского Пленума в Москве и вне ее, Жуков не раз повторял это свое заявление, смаковал. Получалось, что настоящий победитель – это он, Жуков, а не Хрущев. А если завтра он, Жуков, недовольный Хрущевым, обратится к народу и армии через его голову? Обращаться или не обращаться – теперь выходит, решает он сам, а не правительство, не Президиум ЦК. И тут же припомнились не раз озвученные Молотовым, Маленковым, Булганиным на Пленуме предложения о том, чтобы низвести роль первого секретаря до технического уровня, по сути, лишить его, Хрущева, власти. Жуков ни слова не возразил им в ответ. Нечего было возразить?

Как понимать, что с одной стороны Жуков предлагал ему арестовать «молотовцев», с другой – обсуждал с ними, как фактически отстранить его самого от власти, – раздумывал отец. Тут и раздумывать не требовалось, ответ напрашивался сам собой: в результате выигрывал сам Жуков. Что он выигрывал? Очевидно – власть.

Вскоре тревожные мысли отца стали получать одно за другим подтверждения. В новый проект положения о Министерстве обороны Жуков своей рукой вписывает, что он, министр, а не глава государства отныне является Верховным Главнокомандующим. Настаивал Жуков и на упразднении в округах должности члена Военного совета – представителя партийных армейских органов, этим, мол, ставится под сомнение авторитет командующего, нарушается единоначалие.

Не так уж он был и неправ, во время войны такие сверхдеятельные «члены», как Лев Мехлис, вмешивались в принятие чисто военных решений, порой сами начинали командовать, чем нанесли немало вреда, погубили немало жизней. Но ЦК не допускало и мысли о переуступке кому-либо, пусть и члену собственного Президиума, контроля над армией, установлении в ней единоначалия министра обороны.

Положение поправили, но не без труда. Кириченко и Брежнев, теперь в ЦК они отвечали за оборонные дела, еле уломали Жукова.

Затем в Оборонном отделе ЦК заметили, что уже в июле 1957 года перестали приходиться рутинные отчеты о проведенных в военных округах партийных собраниях. На них обсуждали итоги июньского Пленума ЦК и осуждали «антипартийную» группу. Упомянулась, естественно, и жесткая позиция, занятая маршалом Жуковым. Поступил лишь один отчет из группы советских войск в Германии за подписью старого приятеля отца маршала Гречко. Дело, конечно, пустяковое, но цековские чиновники пожаловались отцу. Он пока не спешил поднимать скандал, позвонил Гречко.

– Ой и попало мне от министра, Никита Сергеевич за тот клятый отчет, – запричитал Гречко.

– За что попало? – не понял отец.

– Да за отчет этот в ЦК, будь он неладен. Я подписал, не спросив разрешения министра. Так я же никогда по таким пустякам его не спрашивал, – жаловался Гречко. – А тут он так разошелся, выгнать из армии пригрозил.

– Ну, из армии без ЦК он вас не выгонит, не прибудняйтесь, – не поддержал Андрея Антоновича отец.

Они еще немного поговорили о предстоящей поездке отца в ГДР и закончили разговор, довольные друг другом.

Отец Жукову звонить не стал, не такое уж это важное дело, поручил Суслову уладить все с армейским Политуправлением. На одной из встреч с военными, отец проводил их регулярно, он, невзначай столкнувшись с маршалом Семеном Константиновичем Тимошенко, рассказал ему об истории с отчетами. Они хорошо знали друг друга. До войны Тимошенко командовал Киевским военным округом, а потом Юго-Западным фронтом, вместе они отступали от западной границы почти до самого Сталинграда.

– Как это можно? – пожаловался отец. – Пишут их не дяде на деревню, а в ЦК.

– Попробуй, напиши, – насупился Тимошенко, он явно не желал развивать затронутую отцом тему.

– Почему так? – заинтересовался отец.

– А субординация? – неопределенно ответил маршал.

– Какая субординация? – отец вцепился в него всерьез.

– ЦК далеко, а министр, да еще такой министр, под боком, – недовольный, что его прижали к стенке, буркнул Тимошенко и отошел.

Отцу вспомнилась очень похожая прошлогодняя история. В августе 1956 года, вслед за пролетом над Москвой на высоте более 20 километров американского самолета-разведчика У-2, отец распорядился ежемесячно докладывать ему о состоянии дел в войсках ПВО, о разработке новых высотных зенитных ракет и самолетов-перехватчиков. Первый доклад в ЦК подписали: от промышленности – заместитель Председателя Совета Министров Хрущев, а от военных – заместитель министра обороны, главком ПВО маршал Сергей Сергеевич Бирюзов. Копии, как полагается, послали министру обороны Жукову и его первому заместителю маршалу Коневу.

До отца дошли слухи, что Жуков устроил Бирюзову страшный разнос, заявил, что у того нет права напрямую обращаться в ЦК, и он, Жуков, у себя таких заместителей не потерпит. И не потерпел, 21 ноября 1956 года Жуков предложил упразднить одну из должностей заместителя министра обороны, ту, которую занимал Бирюзов. Тогда отец на это снова не обратил внимания, ЦК с подачи министров постоянно упразднял одни вакансии или учреждал другие. Теперь же старая история представилась в ином свете.

А тут еще детская, на первый взгляд, история со встречами и проходами. Испокон века, куда бы ни приезжало высшее руководство, хоть император во времена империи или первый секретарь ЦК в советские времена, все местные чины выходили его встречать, в том числе и военные. К этому все привыкли, каждый знал, где стоять, когда руку пожимать. Во время недавней поездки в Прибалтику, при переезде из Эстонии в Ленинградскую область, среди встречавших отца не оказалось командующего округом генерала Матвея Захарова, человека отцу тоже не постороннего. Они познакомились в 1943 году, когда Захаров заступил на должность начальника штаба Степного, а затем 2-го Украинского фронта. Отец удивился, но тут же забыл: возможно, приболел генерал. Грузный, запыхавшийся Захаров появился, когда уже рассаживались по машинам и на вопрос, почему он припозднился, ответил уклончиво. Такая его реакция возбудила любопытство отца. Если плохо себя чувствовал или с машиной что случилось, то он бы прямо ответил, а тут почему-то заюлил. Допытываться отец счел тогда неудобным, да и повод пустяковый. Позднее, уже в Ленинграде, Захаров сам подошел

к нему и признался, что имел неприятный разговор с Жуковым. Тот не одобрил его выезд на встречу Хрущева, а когда узнал, что генерал все-таки поехал, устроил ему нахлобучку. Захаров искренне недоумевал, что же он натворил?

После разговора с Захаровым отцу припомнилось, как в мае прошлого, 1956 года, когда они вместе с Тито ездили в Сталинград, он пригласил туда бывшего командующего фронтом, а ныне – Северо-Кавказским военным округом маршала Еременко приехать и рассказать высокому гостю о происходивших осенью 1942 года боях. Еременко в Сталинград прибыл немедленно, но пожаловался, что поступил так вопреки воле министра. Жуков даже специально вызывал его в Москву, «драил» более двух часов, а в заключение просто нагрубил: «Нечего тебе там делать. Выслуживаешься?»

– Я же командующий округом, в который входит Сталинград. Встретить вас с товарищем Тито – моя прямая обязанность. При чем тут выслуживаешься? – плакался отцу Еременко.

Тогда отец на слова Еременко внимания не обратил. Он хорошо знал характер Еременко, во время боев под Сталинградом они с командующим фронтом жили в землянке бок о бок не одну неделю. Еременко всегда на всех жаловался. К тому же Еременко не любил Жукова, а Жуков не любил Еременко. Каждый из них доказывал, что ему первому пришла мысль окружить Паулюса в 1942 году, и он первым доложил ее Сталину.

Но это то, что лежит на поверхности. На самом деле Жуков не мог «простить» ни Еременко, ни Рокоссовскому их побед в Сталинграде. Сейчас мы учим в школе, что Сталинградская битва – поворотный момент в Великой Отечественной войне. А осенью 1942 года обстановка складывалась иначе. Когда ценой огромных усилий и жертв удалось остановить немецкое наступление на юге и начали думать об ответном ударе, для него, вернее для них, избрали не одно, как мы привыкли думать, а два направления: первое – под Сталинградом, другое – под Ржевом, по мнению современных историков, вспомогательное. Но почему-то этим «вспомогательным» Ржевским наступлением Сталин поручил заниматься не кому-либо, а Жукову, Сталинградским же – генералу Василевскому. Дело в том, что Сталин продолжал считать московское направление основным и самым опасным, а Ржев находился именно на московском направлении.

Давайте взглянем на расстановку сил. У Жукова под Ржевом на трех фронтах сосредоточили в общей сложности почти два миллиона человек, 31 процент общих людских ресурсов, 24 тысячи орудий и минометов, то есть 32 процента всей артиллерии, 3 300 танков (почти 50 процентов от имевшихся в наличии) и 1 100 самолетов. В общей сложности 35 процентов всех войск.

А трем фронтам, участвовавшим в Сталинградской операции, выделили чуть более миллиона солдат, 15 тысяч орудий и минометов, 1 400 танков и 900 с небольшим самолетов.

Концы с концами не очень сходятся. На направлении «главного удара» сил вдвое меньше, чем на второстепенном, отвлекающем.

Дальше – больше. Наступление под Сталинградом началось 19 ноября, а удар под Ржевом в направлении на Смоленск запланировали на 25 ноября, когда обеспокоенные немцы начнут снимать дивизии с западного направления и перебрасывать подкрепление на юг, к Сталинграду. В случае нанесения отвлекающего удара обычно наступают наоборот. Вот и получается, что осенью 1942 года Сталинградское направление считалось если не отвлекающим, то вспомогательным.

Однако в жизни все получилось иначе: Рокоссовский и Еременко (от Центра их действия координировал начальник Генштаба Василевский) собрали в кулак на главном направлении все имевшиеся у них силы, ударили разом, прорвали оборону немцев, окружили армию Паулюса и победили. Тогда как «представитель Ставки Верховного командования Жуков в операции под Ржевом расплыл силы, – я цитирую российского военного историка

А. В. Исаева, – вместо двух-трех сильных создал тринадцать слабых ударных группировок, каждая в три-четыре дивизии с одним танковым корпусом в придачу. В результате множественность ударов, из которых более половины были сковывающими, привела к распылению средств и не позволила сломить сопротивление немцев».

Бои под Ржевом продолжались до конца декабря 1942 года, стоили более миллиона жизней и закончились полным провалом.

Тогда-то Сталин и приказал считать удар под Ржевом отвлекающим, вроде все так изначально и задумывалось. Но Жуков-то знал правду и знал, что Еременко с Рокоссовским ее знают тоже. Теперь, когда война ушла в прошлое, маршалы продолжали сводить старые счеты. Одна мелочь наслаивалась на другую, тоже, казалось бы, не достойную внимания, а вместе они выстраивались в систему и заставляли задуматься. Получалось, что это не ревность и не случайность, а некая выстраиваемая Жуковым политика. Другими словами, Жуков старался целенаправленно изолировать политическое руководство страны от высшего армейского командования.

Вскоре отец убедился, что его опасения небеспочвенны. 7 августа 1957 года Хрущев вместе с Микояном и Громько отправились в ГДР с официальным визитом. Отец взял меня с собой. В Берлине на аэродроме все шло по заведенному ритуалу: немецкие руководители, пионеры с цветами, командование нашими оккупационными войсками. Пожимали руки, шутили, улыбались. Когда очередь дошла до Гречко, вечно готовый побалагурить маршал стоял мрачнее тучи.

– Не заболел ли? – поинтересовался отец.

– Никак нет, – уставно ответил Гречко. И, переломив свой почти двухметровый рост, наклонился к уху отца и доверительно попросил принять его.

В резиденции Гречко пожаловался, что в течение месяца ему дважды нагорело от Жукова. И все из-за Хрущева. Сначала с этим несчастным партийным отчетом получилась неувязка, а сейчас со встречей.

– Мы с Рокоссовским тут неподалеку занимались штабными учениями, как и положено, собрались ехать на аэродром вас встречать, – рассказывал Гречко. – Но я уже битый, предложил Рокоссовскому, он среди нас двух главнее, позвонить министру, отметить. Тот позвонил и получил по зубам. «Нечего вам там делать», – отрезал Жуков и бросил трубку. Мы с Рокоссовским не знали, как поступить, наконец я сказал, что поеду, мне терять нечего. Он же, заместитель министра, вспомнил, что случилось с Бирюзовым, и решил не рисковать.

– Не знаю, что теперь со мной будет? – Гречко уже улыбался. – Может быть, вы защитите, Никита Сергеевич?

Тут отец заметил, что я, уткнувшись в газету, сижу в кресле в углу комнаты и предложил Гречко выйти прогуляться по прилегающему к резиденции парку. Меня он с собой не позвал, и о чем они договаривали, я не слышал.

В Москве же отца ожидали новые сюрпризы. В ЦК на столе у него лежал приказ Жукова № 0090 «О состоянии воинской дисциплины в армии».

Сопровождавшая документ записка свидетельствовала, что попал он к отцу не из Министерства обороны, а пришел от Сулова. И не на согласование, Жуков Приказ уже подписал. Начальник политуправления Вооруженных сил, заместитель Жукова генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов нажаловался на приказ Сулова. Сулов пожаловался отцу. Отец начал читать приказ и не поверил собственным глазам. Перечитал снова, теперь уже впиваясь в каждое слово. Нет, все верно, Жуков за своей подписью запрещал в армии и флоте на партийных собраниях и конференциях какие-либо обсуждения, а тем более критику командиров всех уровней. Ослушникам грозило привлечение к строгой дисциплинарной ответственности, вплоть до увольнений из Вооруженных сил.

В сопроводительной записке Сулов сообщал о других приказах Жукова, ликвидировавших политорганы в военных округах, массовом увольнении из армии политработников.

Отец отложил приказ на угол стола и задумался. Мало того что Жуков не считал нужным поговорить с ним заранее, его действия полностью противоречили принятой практике, ведь ЦК КПСС – не просто партийный орган, а высшая руководящая структура в стране, а он, Первый секретарь ЦК, не просто глава партии, но и Верховный Главнокомандующий. Издавая приказ, министр обороны превысил свои полномочия и явно сделал это осознанно, как бы испытывая волю Верховного. Он решил серьезно поговорить с Жуковым.

Не только отец намеревался объясниться с Жуковым, но и Жуков хотел поговорить с Хрущевым – и не о политработе войсках, и не о политработниках. В августе 1957 года Жуков подготовил проект реорганизации Комитета государственной безопасности и Министерства внутренних дел. С ним он и пришел к Хрущеву. Для начала маршал предлагал вывести пограничные войска из КГБ, сделать их еще одним родом войск. Он уже поручил Генеральному штабу подготовить развернутые предложения. Более того, Жуков считал, что раз в МВД и КГБ служат люди в погонах, то посему они вообще должны стать подчиненными Министерству обороны. В МВД Жуков хотел заменить гражданского министра Дудорова, протеже отца, на военного. В разговоре с отцом сказал, что для такого дела не пожалеет и маршала Конева, своего первого заместителя.

Дудорова отец знал с 1950 года, сначала как заведующего отделом МГК. Потом он назначил Дудорова, профессионального строителя, заместителем председателя Моссовета и наконец в 1954 году перевел в ЦК заведующим Отделом строительства. В январе 1956 года отец поставил Дудорова на МВД, чтобы иметь там доверенного человека и одновременно профессионала. Министерство и после ликвидации ГУЛАГа продолжало строительство гидроэлектростанций и других объектов.

Теперь же Жуков предложил вместо Дудорова Конева. В строительстве маршал ничего не смыслил, а уж положиться на него, по мнению отца, было абсолютно невозможно, предаст при первой возможности. О Коневе после затеянного Сталиным «дела врачей-убийц», как я уже писал, у отца сложилось очень негативное мнение.

Как только «Правда» опубликовала разоблачительное письмо Лидии Тимашук, Конев тут же написал Сталину длинное письмо, расписал в нем, как и его самого травили в кремлевской больнице. Уже после смерти Сталина отец имел с Коневым неприятный разговор. Маршал ничего не отрицал, со всем соглашался, упершись взглядом в пол, повторял: «Виноват».

Формально Жуков прав в одном: в составе Министерства внутренних дел числятся несколько дивизий, а Дудоров – человек гражданский. Но дивизиями командует не он, а его заместитель – генерал С. И. Переверткин. Его туда назначили сразу после ареста Берии. С Переверткиным отец не сталкивался, в войну он служил на западных фронтах, потом у Жукова в группе войск в Германии. Жуков хорошо знал Переверкина и в свое время порекомендовал его отцу.

Конечно, Конев Жукову не друг, они друг друга не переносят, отец хорошо помнил это еще по войне, но он дисциплинированный военный, получит приказ – исполнит.

Во главе КГБ Жуков хотел вместо Серова, тоже близкого отцу человека, поставить военного строевика. Называл ли он отцу какие-либо фамилии, история не сохранила. Отдавать команды председателю КГБ пришлось бы через Жукова. А это уже не безобидная возня с генеральскими встречами и проходами.

Отец ушел от обсуждения, сказал, что следует подумать, посоветоваться, такие дела сгоряча не решают. Затейный Жуковым разговор его откровенно испугал, это уже не звончек звенел, а колокол забухал. На памятном заседании Президиума ЦК в июне Молотов тоже напирал на замену Серова, предлагал Булганина, а теперь Жуков...

Отец не мог согласиться ни на замену Дудорова, ни на замену Серова. Но и спорить с Жуковым поостерегся, в августе 1957 года он ощущал в нем уже не союзника, а соперника, опасного соперника. Отец сказал, что подумает, в конце месяца он собирается в отпуск в Крым, слышал, что и Жуков едет туда же. Вот на бережку они все и обмозгуют.

Говорили ли они в Крыму на эту тему, я не знаю. А вот что не договорились – это не вызывает сомнения. И Серов, и Дудоров остались на своих местах.

Тем временем в Крыму в самом конце августа или начале сентября 1957 года возник новый конфликт, теперь уже практически на ровном месте.

Предоставлю слово Жукову, уж он-то не станет против себя свидетельствовать.

«Разговор возник, когда мы с Хрущевым и отдыхающим поблизости Брежневым прогуливались по дорожкам дачи, где отдыхал Хрущев, – вспоминает Жуков. – О чем-то перекидывались словами, шутили.

– Никита Сергеевич, мне звонил на днях Янош Кадар, – заговорил о делах Брежнев, – очень просил оставить в Венгрии нашего командующего тамошней группой войск генерала Михаила Ильича Казакова, он прослужил всего год, с конца 1956 года, но они хорошо сработались. Товарищ Жуков хочет перевести Казакова на Дальний Восток, но я считаю, надо посчитаться с мнением Кадара. Для Дальнего Востока можно подобрать другого командующего».

Жуков такого, по его мнению, наглого, вмешательства в его епархию стерпеть не мог и резко возразил:

– В интересах обороны страны генерала Казакова надо направить на должность командующего Дальневосточным округом, а для Венгрии мы найдем другого хорошего командующего.

– Но надо же считаться и с просьбой товарища Кадара, – просительно произнес Брежнев.

– Надо считаться и с моим мнением. Вы не горячитесь, я такой же член Президиума, как и вы, товарищ Брежнев.

Хрущев молчал, – заканчивает вспоминать Жуков, – но я понял, что он не доволен моим резким ответом».

И как отец мог остаться довольным? Хорошие отношения советского командующего войсками в Венгрии с Кадаром, да еще через год после подавления вооруженного восстания для него значили куда больше, чем командование любым военным округом. Отец не сомневался, что и Жуков это понимает, но Кадар обратился не к нему, а к Брежневу. И теперь Жуков считает необходимым продемонстрировать свою власть, указать Брежневу, а заодно и отцу, чтобы не совались в его епархию.

Отец все больше приходил к заключению, что с Жуковым, как это ни прискорбно, придется расстаться. Когда Жуков решит, что для него пришла пора расстаться с Хрущевым, будет уже поздно.

После того как недовольный Жуков уехал к себе на дачу, Брежнев напомнил отцу о спорах вокруг положения о Министерстве обороны, и о претензиях Жукова на главнокомандование, и об исключении из командной структуры округов должности члена Военного совета. Отец молча выслушал Брежнева, поблагодарил и, ничего не сказав, распрощался и ушел в дом. Он хотел обдумать все, попытаться сложить накопившиеся за последние два месяца отдельные факты в единую картину. Картина получалась тревожная.

На следующий день позвонил из Москвы Суслов, сказал, что Жуков прислал на утверждение в Президиум ЦК официальную бумагу о переводе Казакова из Венгрии на Дальний Восток. Суслов уже прослышал от Брежнева о разногласиях вокруг Казакова и не решался, не спросившись отца, как обычно, «проштамповать» на очередном заседании Президиума предложение министра обороны. Отец посоветовал Суслову повременить. Не оставалось

сомнений, записка Жукова – ответ, если не выразиться сильнее, не столько Брежневу, сколько ему самому. Вернее, демонстрация силы. На силу отец привык отвечать силой. Как ни неприятно, но придется действовать.

Тут еще вспомнился давний разговор с Малиновским, командующим Дальневосточным военным округом, в октябре 1954 года отец, вместе с Булганиным и Микояном, по дороге домой из Китая тогда заехали к нему в Хабаровск. Отец ценил Малиновского. В 1943 году отстоял его перед Сталиным. Тогда в армии у Малиновского застрелился член Военного совета Ларин, перед смертью отправивший Сталину какое-то письмо. Его содержания отец не знал, но Сталин разгневался и хотел не только сместить Малиновского с командования армией, но и учинить расследование. Отец, понимая, что рискует головой, поручился перед Сталиным за Малиновского. Сталин смилостивился, но приказал отцу неотлучно находиться при нем, стать его тенью. Пришлось ему на несколько месяцев переселиться из штаб-квартиры командования фронтом в армию Малиновского. Там-то они и сдружились.

Вечером по завершению дел отец с Булганиным зашли к Малиновскому в гости. Микоян остался в резиденции отдохнуть. Помянули боевых товарищей, переговорили обо всем, и тогда Малиновский доверительно посоветовал отцу остерегаться Жукова.

– Почему? – удивился отец.

– Опасный он человек, – повторил несколько раз Малиновский, – еще помянете мои слова. «Наполеон Бонапарт!».

– Мы это знаем, – поддержал Малиновского Булганин.

Отец не хотел развивать тему Жукова с его же подчиненным и от дальнейшего разговора ушел, а вскоре и вовсе позабыл о том разговоре. Теперь вспомнил и призадумался. Все факты выстраивались в логически стройную цепочку, в конце ее явственно вырисовывался невысокий, крепко сбитый генерал в треуголке на голове – генерал Бонапарт.

До того как принять окончательное решение, отец счел необходимым посоветоваться, «пошептаться», как он выражался, с генералами, конечно, без Жукова. Он знал, что все маршалы и большинство генералов Жукова, мягко говоря, недолюбливают, кто за его жесткость и безапелляционность, кто завидует его удачливости в военных операциях, кто просто завидует, а кто и откровенно его боится. Но одно дело недолюбливать своего министра, а другое – открыто выступить против него. Они же – военные, прикажи им Жуков, и генералы возьмут под козырек.

Удобный случай представился сам собой. В первых числах октября под Киевом Малиновский, теперь уже маршал и главнокомандующий сухопутными войсками, проводил показательные учения. Впервые в нашей армии специально оборудованным танкам предстояло, пройдя своим ходом по дну реки, форсировать Днепр. На учения вызвали всех командующих округами, посмотреть и поучиться. В войну все они намучались: форсирование и малых, и особенно больших рек стоило большой крови. Теперь же... Завел танки, и через полчаса ты на той стороне. Как в сказке!

Жуков на учения не собирался. 8 октября его ожидали с официальным визитом в Югославию. Новые танки он уже видел, а с организацией учений Малиновский и сам справится. В конце сентября Жуков уехал из Крыма в Москву, следовало подготовиться к поездке. Перед отъездом позвонил отцу попрощаться. Отец пожелал маршалу семь футов воды под килем, успешных переговоров с Тито и невзначай сказал, что собрался в Киев поохотиться на уток, а заодно заскочит к Малиновскому на учения, полюбуется, как танки своим ходом проползают по дну реки.

Отец действительно намеревался поохотиться. Еще работая в Киеве, он неподалеку от районного городка Яготин открыл для себя прекрасное, заросшее камышом озеро. Там гнездились множество уток, лысух, нырков и иной живности. Отец ездил в Яготин каждый сезон, а когда я подрос, он начал брать с собой и меня.

«Царская охота» в те времена отличалась от нынешней. На берегу озера – небольшой щитовой домик, удобства на два очка во дворе, освещение – керосиновое. Приезжал отец с товарищами в субботу поздно вечером, сразу ложились спать, человека по два-три в комнате, только отец имел собственную спальню площадью в пять-шесть квадратных метров. Вставали до рассвета. В Украине в августе, когда открывалась утиная охота, светает часов в пять. Наскоро умывались и рассаживались по крестьянским лодкам-плоскодонкам. Их с вечера пригоняли жители соседнего села, так они подрабатывали. Работа возчикам, возиям по-украински, предстояла нелегкая – несколько часов, орудуя шестом, проталкивать тяжелую лодку сквозь камышовые заросли. Утки, естественно, предпочитали места понедоступнее.

Отца возил местный милиционер, работник «органов». Остальные «возии» возникали и исчезали в зависимости от настроения и потребности в приработке. За услуги охотники расплачивались из своего кармана. Отец за этим следил.

В 1957 году в домик на берегу озера провели электричество. На самом озере неугомный отец заставил местное начальство организовать утиную ферму, чтобы выращивать там для стола киевлян птицу по новейшей западногерманской технологии. Охоте ферма, естественно, мешала, но охота – баловство, а ферма – дело.

Отец позвонил из Крыма в Москву и предложил мне присоединиться к нему в Киеве. Я с радостью согласился. Он сказал, что меня может захватить с собой Брежнев. Он и еще несколько членов Президиума ЦК тоже собираются в Яготин. Об учениях отец не сказал ничего.

Судя по воспоминаниям Жукова и Мухитдинова, в Киев, кроме Козлова и Брежнева, из Москвы приехал Аристов, а из Ташкента – Мухитдинов. На аэродроме на правах хозяина всех встречал Кириченко, первый секретарь ЦК Компартии Украины, член Президиума ЦК. Охота прошла, как обычно, успешно.

По возвращении в Киев отец поселился в представительском Мариинском дворце рядом со зданием Украинской Верховной Рады. Оттуда, с днепровской кручи открывался замечательный вид на низинное левобережье, тогда еще почти не застроенное домами. Остальные гости разместились в гостиницах.

О том, что отец собирается в Киев, Жуков знал. Он знал и то, что отец пригласил туда кое-кого из членов Президиума. Их участие в маневрах не выходило за общепринятые рамки. Последние годы отец настаивал: партийное и государственное руководство должно знать, чем вооружена, чем дышит армия. Руководители республик, секретари обкомов зачастили на учебные стрельбы, полевые сборы, штабные учения.

Вечером 3 октября Жуков попросил соединить его с командовавшим Киевским военным округом маршалом Чуйковым. Вопросов к Чуйкову он не имел, но министр должен следить, что происходит в округах, особенно во время учений. Окончив стандартный доклад, Чуйков вместо привычного: «Разрешите быть свободным?» – замялся.

– Что у тебя еще? – недовольно спросил Жуков. Чуйкова он недолюбливал еще с войны, больно тот заносчив. – С маневрами и сборами справишься, не маленький.

– Так точно, товарищ маршал, – отчеканил Чуйков, помолчал и затем промямлил: – Так-то оно так, товарищ маршал, но все же лучше бы вам прибыть сюда самому.

Почему самому, Чуйков не сказал, но Жуков почувствовал, что слова эти он произнес неспроста. Чуйков не любил присутствия у себя на ученьях проверяющих и наблюдающих. Жуков решил позвонить Хрущеву, спросить, нет ли в нем нужды в Киеве. Он может на три дня отложить отъезд. Морской переход из Севастополя в Адриатическое море занимал как раз три дня. Заедет в Киев, а оттуда самолетом полетит в Белград. У Тито будет вовремя, 8 октября.

– Ни в коем случае, мы здесь сообщаем и без тебя справимся, – успокоил Жукова отец. – Когда вернешься из Югославии, тогда и поговорим.

Утром 4 октября Жуков вылетел в Севастополь.

Тем же утром все участники отправились в штаб учений, в район Канева. Погода испортилась, моросил, а временами откровенно поливал дождь. На сей раз к подъезду дворца отцу подали не обычный ЗИС-110 и даже не газик-вездеход, а зеленую, но не тускло-темного, военного цвета, а нарядного салатного оттенка «Победу». Горьковский завод освоил производство «Побед» – вездеходов с четырьмя ведущими колесами, и отцу не терпелось самому испытать новинку. Он тогда активно продвигал идею, что все легковые автомобили должны иметь вседорожную модификацию, – страна у нас бездорожная, крестьянская, дороги весной и осенью, а порой и летом растекаются грязью. Без четырех ведущих колес на них делать нечего.

«Победа» у парадного подъезда дворца выглядела нелепо. Отец с трудом втиснулся на переднее сиденье, дверца захлопнулась, и машина тронулась. Так они проехали по киевским улицам: впереди салатная «Победа», за ней три охранника на газике, а следом – представительские лимузины с гостями рангом пониже.

Меня отец с собой не взял. Теперь я понимаю почему. Они собирались говорить не столько о новых танках, сколько о переменах в высшей власти. Что происходило на учениях и вокруг них, я узнал только недавно из опубликованных документов и воспоминаний участников маневров. Весь день я слонялся по опустевшему дворцу, на улицу не выйдешь, всюду поливает дождь. Сначала я зашел к помощникам отца, они разбирали почту и всем своим видом демонстрировали, что я им мешаю. Потом сходил на кухню, там тоже меня не ждали. Наконец устроился на диване в гостиной с книгой.

Между тем на учениях с рассветом 4 октября танки выдвинулись на исходные позиции, чуть позднее гости-генералы рассредоточились по штабам и наблюдательным пунктам, штатских гостей постарались пристроить попочетнее, но так, чтобы особенно не мешали. Отец вместе с Малиновским обосновались на главном командном пункте.

«Я оказался в машине с двумя генералами, – вспоминает Мухитдинов, – один из которых командовал наступающей дивизией. Лил проливной дождь, и нам выдали теплые генеральские формы (без погон) и плащ-палатки. Поскольку я с первого и до последнего дня находился на фронте, меня не поразило ничего из того, что я увидел. Все-таки учения есть учения, и как бы ни старались войска, здесь мало что напоминает настоящее поле боя».

Днепр форсировали без помех. Танки с привинченными на броню высокими трубами для забора воздуха в двигатели потихоньку сползали в воду. Вот уже над поверхностью видны только головки труб, потом трубы поползли вверх, танки выбрались на противоположный берег, стряхнули с себя дыхательные трубы и, попрыгивая холостыми выстрелами, поползли на позиции «противника». Отец пришел в восторг: вот им бы такие танки в октябре 1943-го. Сколько тогда намучились, пока форсировали Днепр на баржах и плотках, сколько людей потеряли...

На следующее утро в Киеве последовал разбор учений.

«Итоги подвел Малиновский, за ним выступил Хрущев. Поначалу он ударился в военные воспоминания, радовался, что его помнят еще с военных времен. Покончив с прошлым, Хрущев перешел к задачам сегодняшнего дня. Потом выступали генералы, “участники боевых действий”, – читаем мы у Мухитдинова. – Хрущев попросил их подробно рассказать о недостатках боевой подготовки, и разговор вошел в новое, по-деловому критическое русло».

Объявили перерыв до вечера, но Малиновский попросил задержаться некоторых генералов, он перечислил их пофамильно, и всех командующих округами. Кроме членов Президиума ЦК один Малиновский знал заранее, о чем пойдет разговор. С ними отец поговорил

накануне. Родион Яковлевич согласился, что поведение Жукова внушает опасения, и как ни прискорбно, но от него следует избавляться.

Командующие округами, узнав, в чем дело, тоже поддержали Хрущева. Жуков им порядком поднадоел. В ЦК давно шли жалобы на Жукова от генералов и маршалов. В первую очередь его обвиняли в нетерпимости и грубости, и то тут, то там проскальзывало страшное слово «бонапартизм». Предложенная Хрущевым кандидатура Малиновского в качестве министра их устраивала, он не мнит себя небожителем, как Жуков, а свой, понятный, хотя и требовательный. Без этого нельзя. В конце разговора отец посетовал, что кто-то сообщил Жукову о происходящем в Киеве. Он грешил на генерала армии Штеменко: штабиста Штеменко отец, как и многие фронтовые генералы, не любил еще с войны. В Генеральном штабе он имел репутацию доносчика, «человека из органов», плюс считался отъявленным интриганом, любителем стравливать сослуживцев и, что много опаснее, настраивать Сталина против тех, кто ему в чем-то не угодил. После ареста Берии выяснилось, что опасения небеспочвенны, Штеменко не просто сотрудничал с Лубянкой, но почти единственный, кто в антибериевском Министерстве обороны до последнего момента поддерживал тесные контакты с Лаврентием Павловичем, информировал его о настроениях высшего генералитета. После ареста Берии генерала армии Штеменко понизили в звании и отправили подальше от Москвы, в штаб Сибирского военного округа. Жуков Штеменко протезировал, но и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить Хрущева вернуть Штеменко в Москву, восстановить в звании, а потом, в 1956 году, назначить на один из самых ответственных постов в Генеральном штабе – начальником Главного разведывательного управления.

То, что информация исходила от Чуйкова, отец и вообразить себе не мог. Он считал Жукова и Чуйкова несовместимыми антиподами. Оба жесткие, где-то жестокие, упрямые, так и не поделившие славу, спорившие до хрипоты, кто из них на самом деле принял от немецкого генерала Крепса капитуляцию Берлина, командующий армией Чуйков или командующий фронтом Жуков. Допытываться, кто сообщил Жукову о «перешептывании» с генералами, отец не стал, теперь это не имело практического значения.

После деловой части, как это было принято, последовал банкет. «Штатских раскидали среди военных, – пишет Мухитдинов, – столы накрыли щедро, пили, ели досыта, языки развязались, разговоры становились все оживленнее и откровеннее. Командующие округами и генералы рангом пониже наперебой говорили о промахах в руководстве войсками, низком уровне боевой подготовки, забвении политико-воспитательной работы. Не забывали славить ЦК и сидевшего во главе стола Хрущева. В конце ужина Никита Сергеевич очень тепло попрощался с военными, и они пожелали ему здоровья, успехов. Все, начиная с Малиновского, заверили, что армия будет твердо поддерживать мудрый политический курс руководства партии.

После банкета мы, члены Президиума ЦК, пошли к себе.

– Ну, кажется, все ясно, – сказал Хрущев, – армия с нами, не подведет. Пойду спать». 6 октября все возвратились в Москву.

Крейсер «Куйбышев», с министром обороны СССР маршалом Жуковым на борту, в этот день проследовал через проливы Босфор и Дарданеллы и взял курс на Адриатику.

В Москве отца ожидал сюрприз, и очень неприятный. В ЦК лежало письмо от первого заместителя начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба, «правой руки» Штеменко, генерал-полковника Хаджи-Умар Джафаровича Мамсурова.

Еще во время гражданской войны в Испании он начал заниматься организацией диверсий. Его даже упомянул писатель Эрнст Хемингуэй в романе «По ком звонит колокол». Нападение Германии на СССР Мамсуров встретил в должности начальника Специального отдела «Диверсии и ликвидации», тогда еще не «Главного», а просто разведывательного управления. Там занимались такими же операциями за рубежом, в том числе и ликвидацией, что

и Судоплатов в Госбезопасности. В 1941 году его, так же как и Судоплатова, «бросили» на организацию партизанских отрядов.

Судоплатову поручили юго-западное направление и одновременно общую координацию дел, а Мамсурова 8 августа 1941 года в качестве «Уполномоченного по руководству партизанским движением» послали в Ленинград. Затем он командовал дивизией, снова вернулся в разведку.

После войны он опять на командной должности, в 1956 году командовал армией в Венгрии. Оттуда он перешел в Генеральный штаб уже в новом качестве – заместителя главы военной разведки. Совсем недавно, летом 1957 года, Жуков своим приказом назначил Мамсурова по совместительству начальником только что созданной под Тамбовом школы армейских диверсантов. Тем самым подчеркивалось особое положение школы, ее значимость в глазах министра обороны. Диверсанты и разведчики в армии существовали всегда, и Мамсуров такого рода делами занимался большую часть своей жизни, но генерала удивило и насторожило предупреждение Жукова: никому о новом назначении ни слова. О школе знают только три человека: он, начальник ГРУ Штеменко и сам Мамсуров. Во врученном Мамсурову приказе об образовании школы с более чем двумя тысячами военнослужащих – чуть побольше полка он не обнаружил ссылок на Постановление ЦК и Совета Министров СССР, только приказ министра обороны и только его подпись. Такого он не припоминал за всю свою долгую службу. По правилам того времени, не то что школу диверсантов, пехотный полк не допускалось формировать без санкции, по крайней мере, соответствующего отдела ЦК, а чаще требовалось отдельное решение Президиума. После некоторых колебаний Мамсуров написал обо всем Хрущеву.

Отец пригласил Мамсурова к себе. Мамсуров подробно рассказал о школе, о ее структуре, не забыл упомянуть, что непосредственно подготовкой будущих диверсантов занимается бывший начальник разведки 1-го Белорусского фронта, им в конце войны командовал Жуков, а ныне еще один заместитель и доверенное лицо Штеменко, генерал Трусов. Тот самый Трусов, который, как пишет историограф маршала Жукова, писатель Владимир Карпов, «весной 1945 года, после окончания боев... по приказу Сталина и Жукова арестовал правительство адмирала Деница – преемника Гитлера. При чем провел эту головокружительную операцию в городе Фленсбурге, находившемся в английской зоне оккупации».

Карпов, в прошлом фронтовой разведчик, Герой Советского Союза, тоже оказался втянутым в это дело. С ним встретился Трусов и предложил пойти работать в школу, по словам Карпова, заместителем начальника. Трусов объяснил, что организация школы служит прелюдией к формированию целой дивизии специального назначения. В военных округах в поддержку ей создаются особые бригады. Перед Карповым открывались блестящие перспективы. В августе 1991 года он писал в «Правде, что: «сформированные (в 1989–1990 годах) в составе МВД подразделения ОМОН являются микроскопическими по сравнению с хорошо организованными тогда силами для специальных операций». От заманчивого предложения Карпов отказался и что происходило дальше, не знал.

После разговора с генералом Мамсуровым у отца отпали последние сомнения. То, что вся эта самодеятельность происходит под крылом у Штеменко, выглядело особенно зловеще. Отец решил немедленно разобраться во всем сам. Первым делом он позвонил исполнявшему на время отсутствия Жукова обязанности министра обороны маршалу Коневу, спросил, слышал ли он о такой школе?

– Понятия не имею, – ответил маршал и попытался в свою очередь расспросить отца.

Отец только крикнул, пообещал Ивану Степановичу поговорить поподробнее позднее, сейчас он очень занят, и набрал номер телефона начальника Генерального штаба маршала Василия Даниловича Соколовского. Тот тоже оказался неосведомленным о школе диверсантов, а разведка структурно входила в Генштаб, и Штеменко числился его заместителем.

Некоторую ясность внес командующий сухопутными войсками маршал Малиновский, у него в округах образованы диверсионные роты спецназначения, по одной-две на округ, всего семнадцать. Но о школе диверсантов и он понятия не имел.

Создавалась пикантная ситуация, формировались не просто новые армейские подразделения, а совершенно новая боевая функциональная структура, а об ее предназначении, задачах, месте, занимаемом в войсках, вообще о ее существовании никто ничего не знал, даже самое высокое военное командование. Как маршалы смогут планировать использование в боевых операциях подразделений организацию, которую от них держат в секрете? Или у школы диверсантов совсем иные цели? Поневоле отцу на ум приходили самые зловещие мысли. Отец считал, что им очень повезло: Жуков в отъезде, до его возвращения в Москву оставалось еще более недели. После Югославии с 17 октября начинался визит в Албанию.

Забегая вперед, скажу, что в своем выступлении на состоявшемся в конце октября пленуме ЦК отец не скрывал опасений. «Относительно школы диверсантов, – говорил он, – об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, что неслучайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко нужен был ему еще для темных дел... Неизвестно, зачем было собирать этих диверсантов без ведома ЦК. Разве это мыслимое дело? И это делает министр обороны, с его характером. Ведь у Берии тоже была диверсионная группа, и перед тем, как его арестовали, Берия вызвал группу головорезов, они уже были в Москве, и если бы его не разоблачили, то неизвестно, чьи головы полетели бы». Оставляю на совести отца упоминание о Берии. Мне в связи с Жуковым оно режет слух. Но отцу виднее. Известно, что в критические моменты маршал, если того требовало дело, его дело, чужими жизнями жертвовал не задумываясь. Правда, тогда шла война. Но характер не переделаешь.

Не добившись ничего от маршалов, отец вызвал генерала Штеменко. Мгновенно оценив обстановку, тот решил все валить на Жукова.

– Виноват, – стоя перед Хрущевым в цеховском кабинете, оправдывался генерал армии, – это не моя инициатива. Мне маршал Жуков приказал, а он не только министр обороны, но и член Президиума ЦК. Я думал, что он все утряс в верхах и обычного постановления об организации школы не требуется.

После разговора со Штеменко отец отбросил последние сомнения, если они у него еще оставались: Жукова надо снимать, и сделать это оперативно, до его появления в Москве.

Штеменко тоже понял, что Хрущев знает все. А раз так, то ему следует, пока он еще начальник ГРУ, предпринять все доступные ему меры и, в первую очередь, предупредить Жукова.

Выйдя из кабинета отца, Штеменко поспешил на неподконтрольный никому, кроме его самого, узел связи ГРУ. Оттуда он послал Жукову сообщение о разворачивающихся в Москве событиях. Штеменко шел на риск, но на риск оправданный. Если маршал успеет принять меры, какие и как, он не знал, то его, Штеменко, будущее... Сомнений не возникало, он взлетит высоко. Очень высоко. Если же ничего не получится, то, судя по разговору с Хрущевым, его, так или иначе, освободят от должности, в ГРУ ему больше не служить. Осторожный Штеменко сформулировал шифровку Жукову с расчетом на любой поворот в будущем. Он лично проследил за тем, как с узла связи передали сообщение и, не заходя в кабинет, уехал домой.

17 октября 1957 года, на следующий день после упомянутых выше разговоров, собрали Президиум ЦК, он освободил генерала Штеменко от должности начальника ГРУ Генерального штаба и возвратил командование ГРУ в руки генерала Михаила Алексеевича Шалина, который возглавлял разведку до Штеменко, в 1953–1956 годах. Первым заместителем у Шалина остался генерал-полковник Мамсуров.

Но главным на Президиуме в тот день стал не вопрос о Штеменко, его решили походя, говорили о самом Жукове. По пункту 2 «О состоянии политической работы в Советской Армии» докладывал начальник Политического управления генерал-полковник Желтов. Из военачальников в зале заседаний, кроме него, присутствовали: командующий сухопутными войсками маршал Малиновский и Главнокомандующий войсками Варшавского Договора маршал Конев. В виду секретности и деликатности поставленного на обсуждение вопроса, больше никого от Министерства обороны не пригласили. Говорили о политико-воспитательной работе, но все понимали – речь идет о судьбе Жукова.

С первого дня своего воцарения в Министерстве обороны в 1953 году Жуков откровенно третировал Желтова, сам ему не звонил, на совещания не приглашал, делал вид, что его просто не существует. В феврале 1956 года уговорил отца не избирать Желтова ни в ЦК, ни в Ревизионную комиссию под предлогом, что ему уже подыскивают замену. Желтов все это знал и, в свою очередь, возненавидел Жукова. Ненавидел его молча, он же не просто министр обороны, но и член ЦК. По положению Желтов не подчинялся Жукову – министру, выходил на ЦК, то есть на того же Жукова – члена Президиума.

Докладывая, Желтов старался сохранять видимость объективности, но ему это плохо удавалось.

– Политическая работа в армии принижена, – жаловался он. – Мне, начальнику Политического управления, запрещено выезжать в войска без разрешения. Министр, товарищ Жуков, относится ко мне неприязненно. Из-за чего? Он считает, что я в 1955 году возражал против его назначения министром обороны!

Последнее – явная нелепица. Никому и в голову не приходило спрашивать какого-то Желтова, назначать или не назначать Жукова. Возможно, Желтов выражал недовольство таким решением, а Жуков об этом прознал.

Желтов припомнил Жукову все: и угрозы заставить политработников научиться командовать войсками, а то они привыкли только языком молотить. «Сорок лет болтают, потеряли всякий нюх, как старые коты», и это он говорит о политических работниках, – возмущался Желтов. В зале захихикали, но генерал невозмутимо продолжал:

– В другом месте Жуков заявляет: «Им, политработникам, только наклеить рыжие бороды и дать кинжалы, они перерезали бы всех командиров».

После Желтова попросили высказаться маршалов. Выступление Желтова их обидело.

– Складывается впечатление, что одному Желтову близки политорганы, а нам они чужды. Это неверно, – начал без пяти минут министр обороны маршал Малиновский. – Другое дело, не сложились отношения у начальника Политического управления с министром, есть натянутость. Надо все излагать объективно. Больно слышать, что наши маршалы зазнались, они такого упрека не заслужили. Положение в войсках товарищ Желтов изложил необъективно. Низовые работники на товарища Желтова обижаются, попасть к нему на прием невозможно.

– Не могу согласиться с оценкой товарищем Желтовым состояния политработы в армии, – маршал Конев вторит маршалу Малиновскому. – Нельзя противопоставлять политработника командиру. Кадры армии преданы партии. Не соответствует истине, что военачальник, что хочет, то и делает. А вот личные отношения между министром и начальником Политического управления ненормальные.

Ни Малиновский, ни Конев и словом не обмолвились о Жукове, его судьба предрешена, они об этом знали и такое решение одобряли. Они вступились за честь Вооруженных сил, в которых служили до Жукова и будут служить после него. Выступления Желтову, по их мнению, необъективного, они не простили и не собирались прощать. Забегая вперед, скажу, что новый министр обороны маршал Малиновский, в 1958 году, через несколько месяцев

после описываемых событий, выживет генерал-полковника из армии и последнего без шума переведут на работу в ЦК.

После Конева пришла пора высказываться членам Президиума ЦК, не столько о политической работе в войсках, сколько решать судьбу своего коллеги по Президиуму товарища Жукова.

– Морально-политическое состояние армии высокое, – заговорил первым Суслов. – А роль политорганов ослаблена. Виноват в этом Жуков.

За ним выступили все до единого присутствовавшие на заседании члены и не члены Президиума ЦК.

Я не стану утомлять читателей даже кратким изложением того, что они говорили. Все на разные лады повторяли: «Виноват Жуков, с политработой в армии неблагополучно, Малиновский с Коневым обязаны не Желтова атаковать, а помочь ЦК наводить порядок в Вооруженных силах».

– Доклад Желтова вопиет о недостатках в армии, – подвел итог отец, – реакция товарищей Малиновского и Конева тоже однобока. Нельзя позволять Жукову сидеть у нас на шее. Придется объезжать. Для выработки предложений создать комиссию в составе: Сулова, Кириченко, Беляева, Игнатова, Козлова, Кириленко, Фурцевой, Малиновского, Конева, Желтова, Мжаванадзе, Мухитдинова и Калнберзина.

Назначенные Президиумом ЦК комиссары уже через день, 19 октября 1957 года, представили проект постановления «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском флоте».

В числе других мероприятий они предлагали обновить руководство Министерства обороны, другими словами, сместить Жукова. Таким образом, судьба Жукова решилась 17–19 октября. После этого отец решил еще раз поговорить с военными, но уже в более широком кругу. 23 октября 1957 года он выступил на офицерском собрании в Москве. Подобные мероприятия с участием членов Президиума ЦК прошли и в других военных округах. О снятии Жукова с должности прямо не говорили, но в том, что она не за горами, сомнения ни у кого не возникало.

Жукову ничего не сообщили, дожидались его возвращения в Москву. Связь с находившейся в Албании делегацией взял под жесткий контроль ЦК, но они опоздали, после шифровки Штеменко Жуков если и не знал о происходящем в Москве, то догадывался.

Жуков, как и положено, регулярно информировал Москву о своих встречах и разговорах сначала в Югославии с Тито, затем с лидером Албании Энвером Ходжей. Постепенно в шифровках Жукова нарастало раздражение: в Югославии его встречают восторженно, а вот освещение визита в советской прессе маршалу откровенно не нравилось. «Все югославские газеты полностью опубликовали тексты моих речей, – писал он 12 октября в строго секретной телеграмме, адресованной лично Хрущеву, – а наша “Правда” ограничилась лишь скороговоркой, что министр обороны СССР Г. К. Жуков и его югославский партнер Иван Гошняк “обменялись речами”».

Жуков чувствовал, что все это неслучайно, нервничал, сердился, но на расстоянии поделать ничего не мог. Он не ошибался, необычно скромное освещение его визита делалось с санкции Секретариата ЦК. Чтобы успокоить Жукова, ему ответили, текст телеграммы утвердили 14 октября на заседании Президиума ЦК, что тут замешана высокая политика: одновременно с его поездкой, в Китай поехала делегация Верховного Совета, а не секрет, что Мао не переносит Тито и вообще югославских «ревизионистов». Вот и решили не раздражать китайцев. Жуков объяснений не принял. Сухость сообщений в «Правде» окончательно вывела маршала из себя. На фронте он под горячую руку мог расстрелять первого попавшегося «виноватого», сейчас же Георгий Константинович излил свое раздражение на ни в чем не повинного корреспондента «Правды» в Югославии Ткаченко. «Маршал Жуков в личной беседе со мной выразил резкое неудовольствие тем, что московские газеты дают

сухие материалы о его пребывании в Югославии, – 19 октября, уже из Албании, корреспондент Ткаченко докладывал в Москву своему главному редактору Павлу Сатюкову. – О пребывании тов. Жукова в Албании мы передаем подробные репортажи и отчеты». Оправдывался он напрасно, его репортажи «подсушивали до нужной кондиции» в Москве.

Несмотря на все свое раздражение, Жуков тогда даже не намекнул на полученную от Штеменко информацию и только после отстранения от должности позволил себе высказаться.

«Находясь в Албании, я получил сведения о том, что Президиумом ЦК до моего возвращения в Москву созван партактив военных работников, и мне из Москвы не могут передать, по каким вопросам проходит партактив, на котором присутствует весь руководящий состав Армии и Флота и в полном составе Президиум ЦК партии», – пишет в своих воспоминаниях маршал.

Уже не Штеменко, несколько дней находившийся не у дел, а кто-то другой информировал Жукова о происходивших в Москве событиях. Кто? На этот вопрос Жуков отвечает сам: «Вполне естественно, меня не могло не насторожить и не взволновать то обстоятельство, что актив собран почему-то в мое отсутствие. Я запросил своего первого заместителя Конева. Он ответил через мой секретариат. Настроение было испорчено. Через пару дней мы вылетели из Албании в Москву».

Конев очень рассчитывал занять место Жукова. Он считал себя военачальником посильнее Жукова, просто ему меньше повезло в жизни. Это он, а не Жуков, в мае 1945-го мог бы взять Берлин, если бы его не поприверждали из Москвы. В общем, кресло министра обороны он считал своим по праву. Когда выяснилось, что Хрущев остановил свой выбор на Малиновском, Конев смертельно обиделся на него, на всю оставшуюся жизнь возненавидел Малиновского, а к Жукову тут же проникся симпатией как к несправедливо обиженному. Вот он и счел себя обязанным проинформировать Георгия Константиновича о творимых за его спиной «безобразиях».

Заседание Президиума ЦК, на котором решили официально объявить об отстранении Жукова, приурочили к посадке, возвращавшегося из Тираны Ту-104 с военной делегацией на борту. Они приземлились во Внуково 26 октября во второй половине дня. Предоставлю самому Жукову возможность описать дальнейшие события.

«Приземлились мы в аэропорту Внуково. В окно самолета я увидел встречающих меня всех маршалов Советского Союза и главнокомандующих всеми видами Вооруженных сил, среди которых был Чернуха – технический работник при Президиуме ЦК.

После того как мы все перездоровались, ко мне подошел Чернуха и сказал, что меня сейчас же приглашают на Президиум ЦК. Там, говорит Чернуха, все в сборе. Я сказал, что заеду домой, переоденусь и сейчас же приеду.

Явившись в Президиум, я увидел за общим столом всех членов и кандидатов Президиума, а также всех тех маршалов, кто встречал меня на аэродроме. Мне предложили коротко доложить о поездке в Югославию и Албанию. Я доложил основное.

Хрущев предложил утвердить отчет. Затем он сказал:

– За время вашего отсутствия Президиум ЦК провел партполитактив Министерства обороны. По этому вопросу доложит Суслов.

Вопрос, по которому предстояло доложить Суслову в повестке дня заседания Президиума ЦК, за номером десять “О состоянии партийно-политической работы в Советской Армии и состоянии руководства Министерства обороны”.

– На партактиве установлено, – начал Суслов, – что министр обороны маршал Жуков в своей деятельности проводит неправильную политическую линию, игнорируя политических работников, игнорируя Главное политическое управление, а политработников считает

бездельниками. Маршал Жуков груб во взаимоотношениях с подчиненными и поощряет тех, кто выставляет его как выдающегося полководца».

Последние слова требуют пояснения. В те дни, как на упомянутом выше заседании Президиума ЦК от 17 октября, так и на многочисленных активах, говорили о помпезном полотне, на котором Жуков изображен на белом коне в позе Георгия Победоносца, о документальных кинофильмах, сценарии которых правились лично Жуковым и лично под Жукова, и о многих других подобных «проявлениях нарастающего культа личности».

После Сулова предоставили слово Жукову. В воспоминаниях он о своем выступлении не сказал ни слова, придется довольствоваться отрывочными записями Малина.

«Готов признать критику и поправить ошибку, – начал Жуков, надеясь, что все еще, возможно, и обойдется. – Не считаю правильным, что без меня собирали совещание военачальников, где обсуждали вопрос обо мне. Вывод, что я стремился отгородить Вооруженные силы от партии, считаю диким. Отметаю обвинения, что я кому-то запрещал информировать ЦК. Прошу расследовать заявление о принижении партийно-политической работы в армии. Я этого не признаю. Желтова же считал и считаю слабым руководителем. О культе личности: ляпсусы, видимо, есть, но слава мне не нужна.

Тут Жуков явно покривил душой – военные, как и артисты, обожают славу, почет, ордена, аксельбанты, кокарды. Жуков в этом ничем не отличался от своих коллег, разве что оснований к тому у него имелось побольше, чем у других.

– Прошу назначить комиссию для расследования, – произнес в заключение Жуков и сел. Он еще не осознавал, что никаких комиссий не требуется, решение уже принято без него, и сейчас присутствовавшие на заседании занимаются его оформлением.

Следом за Жуковым выступал Булганин.

– Линия на отгораживание от партии была, – Николай Александрович не имел никакого желания щадить давно ему антипатичного Георгия Константиновича. – В руководстве Министерства обороны Жуков попросту опасен. Много на себя берет.

Дальше Булганин говорил об уже известной нам школе диверсантов. Жуков попытался отбиваться, сказал, что в имеющихся в армии семнадцати ротах спецназа подготовка неудовлетворительная, вот он и решил... Однако на его слова никто не обратил внимания. Отец предоставил слово Микояну.

– Неприятно разбирать этот вопрос, – нащупывал нужный тон дипломатичный Анастас Иванович, – но интересы партии требуют одернуть Жукова. Отношение армии к партии вызывают тревогу.

Он начал приводить факты, я о них уже писал выше. В заключение Микоян припомнил Жукову его угрозу «молотовцам» в июне этого года обратиться через их голову и через голову партийных организаций к народу. Микояна настораживало даже не столько само заявление, в пылу борьбы оно звучало не так неуместно, а то, как позднее подавал свои слова Жуков, выступая по итогам июньского Пленума на партийном собрании Московского военного округа, а затем на разборе военных учений в городе Борисове в Белоруссии. И тут и там Жуков с напором повторял, что если группа не прекратит борьбу, то он обратится к армии и народу и *его* поддержат. Получалось, эти слова неслучайно вырвались в пылу спора, а...

Жуков слушал Микояна угрюмо уставившись в стол. Он наконец понял: судьба его решена.

«Затем выступил Брежнев (из всех выступавших Жуков, кроме Микояна, запомнил только его. – С. Х.). – Он наговорил, что было и чего никогда не было. Что я зазнался, что я игнорирую Хрущева и Президиум ЦК, что я пытаюсь навязать свою линию ЦК, что я недооцениваю роль военных советов...»

Игнатов и Беляев, получив слово после Леонида Ильича, ничего нового не сказали, присоединились к мнению, что Жукова надо из власти убрать.

Следующим выступил Мухитдинов. Он утверждает, что он Жукова не осуждал, а только критиковал, что вызвало недовольство Хрущева. Но написал он это, когда Жуков вновь (и заслуженно) стал героем...

А вот как звучат слова Мухитдинова в изложении Малина:

«Проводимая товарищем Жуковым линия вызывает тревогу. Оторвалась Армия от ЦК. Военные не информируют ЦК о своих действиях. Развивается подхалимство. Началось избиение кадров».

Я не стану цитировать остальных выступавших, все они говорили в унисон, только Ворошилов позволил себе позлорадствовать.

«Как ты, товарищ Жуков, мог произнести: “Я обращусь к народу и партии?” – звучал возмущенный тенорок Климента Ефремовича, не забывшего, что угрозу Жуков адресовал ему и его соратникам, а не Хрущеву. – Как ты позволил себе создать школу диверсантов без решения ЦК? Все это крайне подозрительно. Ты, товарищ Жуков, человек малопартийный».

Ворошилов замыкал череду выступающих. Хрущев объявил короткий перерыв.

Рассказывают, я сам от отца этой истории не слышал, что он спросил тогда Жукова, кого тот считает достойным себе преемником на посту министра обороны? Георгий Константинович якобы назвал Конева. Кроме Штеменко только он один сохранил ему верность, предупредил о надвигающихся событиях. Разыгрывая «коневскую карту», Георгий Константинович не знал, что Иван Степанович за истекшую пару дней снова сменил ориентиры.

Хрущев, согласно пересказываемой мною версии, якобы сказал, что Конев – фигура достойная, но они остановили свой выбор на Малиновском.

После перерыва с заключением выступил отец: «Есть мнение освободить товарища Жукова от должности министра обороны и вместо него назначить маршала Малиновского, – я передаю его слова в изложении Жукова. – Есть также предложение послезавтра провести Пленум ЦК, где рассмотреть деятельность товарища Жукова».

Предложение приняли единогласно.

– Если мне не доверяют, то министром обороны я быть не смогу, – отозвался Жуков.

В тот же день вечером о решении Президиума ЦК сообщило московское радио.

Я уже описывал, как случайно подслушал телефонный разговор отца с Жуковым в субботу, сразу после заседания Президиума ЦК. А вот как воспроизводит тот же разговор Жуков, правда, уже в 1964 году: «Возвратясь на квартиру с Президиума ЦК, я решил позвонить Хрущеву, чтобы выяснить лично у него истинные причины, вызвавшие столь срочное освобождение меня от должности и постановку обо мне вопроса на созванном Пленуме ЦК КПСС. Я спросил: “Никита Сергеевич! Я не понимаю, что произошло за мое отсутствие, если так срочно меня освободили от должности министра, и тут же ставится вопрос обо мне на специально созванном Пленуме ЦК?”

Хрущев молчал.

Я продолжил: “Перед моим отъездом в Югославию и Албанию со стороны Президиума ЦК ко мне не было никаких претензий, и вдруг целая куча претензий. В чем дело? Я не понимаю, почему так со мною решено поступить?”

Хрущев ответил сухо: “Ну вот, будешь на Пленуме, там все и узнаешь”.

Я сказал: “Я считал, что наши прежние дружеские отношения дают мне право спросить лично у вас о причинах столь недружелюбного ко мне отношения”.

Хрущев: “Не волнуйся, мы еще с тобой поработаем”.

На этом, собственно говоря, и закончился наш разговор».

В понедельник, 28 октября 1957 года, в 11 утра, в Свердловском зале Кремля открылся Пленум ЦК КПСС. Докладывал Сулов. Думаю, что отец не смог пересилить себя и перепоручил эту неприятную миссию «главному идеологу». Ведь формально собрались обсудить состояние политработы в войсках.

«Недавно Президиум ЦК узнал, что товарищ Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей... – говорил Суслов. – Товарищ Жуков даже не считал нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров как коммунист считал своим долгом информировать ЦК об этом незаконном действии министра». Затем Суслов повторил эффектно прозвучавшие на Президиуме ЦК слова Жукова о старых котлах, потерявших нух, армейских политработниках, которым дай кинжалы и наклей рыжие бороды, так они всех командиров перережут. Слова Суслова произвели ожидаемый эффект. Присутствующие в зале захохотали, но, спохватившись, быстро смолкли. Кто-то наиболее активный даже выкрикнул: «Позор!»

Не стану подробно пересказывать ход Пленума, его стенограмма опубликована и доступна всем интересующимся.

Оттеню лишь некоторые детали. Дождавшийся своего часа Желтов, он выступал с содокладом, отыгрался в нем за все годы унижений. Брежнев выступал на Пленуме напористо, за сердце не хватался, как это случилось с ним в июне в стычке с Кагановичем. Теперь сомнений, кто победитель, не возникало.

«Откровенно говоря, мы боимся Жукова», – проговорился в своем выступлении Микоян.

«Из партийных и советских работников на Пленуме почти никто не выступал, но зато выступили единым фронтом большинство маршалов, которые при мне занимали должности заместителей министра обороны, и начальник Главного политического управления Желтов, – вспоминает Жуков. (Это и естественно, речь шла о министре обороны, и отец хотел заручиться поддержкой генералитета, а не секретарей обкомов и председателей совнархозов. – С. Х.) Чувствовалось, что они подготовились к тому, чтобы всячески принизить и очернить мою деятельность. Особенно в этом направлении старались Малиновский, Соколовский, Еременко, Бирюзов, Конев и Горшков.

Выступавшие сводили дело к тому, что я якобы игнорирую партполитработу в армии, пытаюсь оторвать армию от ЦК и прочее... В своих выступлениях они старались наперевбой дискредитировать мою деятельность, всячески принижали мои заслуги в годы Великой Отечественной войны, договариваясь при этом до явного абсурда и фальсификации.

Даже Хрущев и тот вынужден был одернуть маршала А. И. Еременко, который в пылу своей крикливой речи сказал: “А что Жуков? Говорят, он осуществил личное руководство Сталинградской битвы, а его там и не было”.

Хрущев: “Ну, Андрей Иванович, ты это зря. Жукова как полководца мы знаем хорошо. У кого не выходило на фронте, у Жукова всегда выходило и выходило хорошо”».

Отец не раз повторял, что военные сродни писателям, – никак не могут разделить славу, при первой возможности начинают обливать друг друга грязью.

Что же до планирования Сталинградской операции, то, согласно документам Генерального Штаба, координировал ее подготовку и проведение генерал Василевский. Он занимался ею в Москве, он же выезжал в распоряжение оборонявшегося из последних сил, а теперь подготавливающего контрудар Сталинградского фронта его командующему Еременко и нависавшему сверху уступом над немецкими порядками Донского фронта генералу Рокоссовскому. Там тоже готовились к прорыву немецких позиций. Жуков появлялся в Сталинграде эпизодически, наездами, он, как я уже писал, в это время организовывал наступление под Ржевом. Вспоминать о нем Георгий Константинович не любил и не вспоминал. О своих поражениях военачальники обычно стараются не говорить.

В ответ на реплику Хрущева, к Сталинграду напрямую не относившуюся, присутствовавшие на Пленуме военачальники начали вспоминать, приезжал ли Жуков в Сталинград, а если да, то когда и сколько раз?

Отец, находившийся на Сталинградском фронте до окончания операции, активно включился в это импровизированное расследование. Сошлись на том, что Жуков точно появился на Сталинградском направлении летом, когда город как раз начали бомбить.

«Страшное дело, – вспоминал отец, – весь город в огне». Жуков попытался организовать контрудар с севера, но неудачно. Войска понесли большие потери, но немцев не только не отбросили от Волги, но даже не остановили. Жуков доложил Сталину, что город не удержать, и уехал.

Кому-то припомнилось, что перед наступлением он появился в расположении войск Еременко, а затем Рокоссовского. Другие стали возражать. Хрущев стал на сторону первых. Правда, Жуков тогда у них останавливался ненадолго, спешил на Западный фронт, объявил, что именно там, под Ржевом, на Московском направлении, он одержит решительную победу, погонит немцев на запад. Сталинград же ему поможет, наступление на Волге лишит противника маневренности, не позволит перебросить подкрепления под Ржев.

После поражения под Ржевом и окружения армии Паулюса под Сталинградом Жуков снова приехал к ним, злой, донельзя расстроенный своей неудачей и, видимо, завидовавший более удачливому генералу Еременко. Отец тогда в одном из разговоров посетовал, что войск у них маловато, кольцо окружения получилось жиденьким, если Паулюс решит прорываться, он легко сомнет наши части и уйдет.

– Надо бы, Георгий, танков подбросить, – попросил он у Жукова подкреплений, – уйдет шельмец, жалко.

– Пусть катится к... – Жуков отпустил смачное выражение, неформальную лексику он любил и охотно ею пользовался. – Пусть катится, держать его не станем.

Отец понял, что подкреплений они не получат.

Спор о том, что, где и когда говорил Жуков в 1942 году, постепенно сошел на нет. Слово предоставили маршалу Коневу.

«Конев поразил меня своей беспринципностью, – продолжает возмущаться Жуков. – Как известно, Конев был моим первым заместителем. Ему минимум три месяца в году приходилось замещать меня по должности министра обороны, следовательно, очень часто приходилось проводить в жизнь все основные задачи, которые стояли перед Министерством обороны, повседневно контактируя и с ЦК, и с правительством. И я не знаю случая, когда он имел бы особую от меня точку зрения по всем принципиальным вопросам. Он часто хвалился тем, что у нас в течение долгих лет совместной работы выработалась общая точка зрения по всем основным вопросам строительства и подготовки вооруженных сил.

Как старого политработника, я ценил Конева и прислушивался к его советам по вопросам воспитания личного состава и практическим вопросам партийно-политической работы.⁴⁹

Конев часто уверял меня в своей неизменной дружбе. И каково же было мое удивление, когда он на Пленуме заявил, что он, Конев, никогда не был мне другом, что он всегда считал, что я явно недооценивал его работу, что я его игнорировал, и что он, Конев, по ряду вопросов не был согласен со мной, но что он опасался ставить вопросы о разногласии перед Президиумом ЦК, считая, что Жуков проводит вопросы, согласовав с Президиумом».

⁴⁹ В армии Конев с 1916 года, в Гражданскую воевал на Дальнем Востоке. В 1934 году окончил Военную академию имени Фрунзе и дальше всю свою жизнь командовал. Назвав Конева «политработником», Жуков, по-видимому, хотел подчеркнуть тем самым, что он видел в нем политработника, а не военачальника.

Согласно стенограмме, Жуков выступил на Пленуме дважды, все предъявленные ему обвинения, естественно, отрицал, но почему и зачем он организовал школу диверсантов без санкции Президиума ЦК и втайне от начальника Генштаба, вразумительно не объяснил. Сказал только, «что эти ошибки – не следствие отклонения от линии партии, а просто человеческие ошибки, от которых никто не застрахован...»

Как я воспринимаю освобождение меня от должности? – продолжал Жуков. Я покривил бы душой, если бы выразил восторг. Я любил свою работу, отдавал ей все свои силы и, считаю, не без пользы. Но считаю, чтобы поправить крупные недостатки в партийно-политической работе в Вооруженных силах, решение об освобождении меня от должности и назначении товарища Малиновского, безусловно, правильное, и у меня не вызывает и не вызовет никакой обиды. Я это заявляю честно... Критику по своему адресу, прозвучавшую здесь, на Пленуме, я в основном признаю, считаю правильной, рассматриваю ее как товарищескую партийную помощь лично мне и другим военным работникам... Меня уже выводили один раз из ЦК, при жизни Сталина, в 1946 году... Тогда, товарищи, я не мог признать и не признал правильным вывод меня из Центрального Комитета, не признал правильными предъявленные мне обвинения. Сейчас другое дело. Я признаю свои ошибки и даю слово ЦК полностью устранить имеющиеся у меня недостатки. В этом я заверяю через наш Центральный Комитет, всю нашу партию».

Выступая, Жуков очень волновался, «голос у него сорвался, видимо, он проглотил подступившие слезы», – отмечает Мухитдинов.

Отец, когда его отрешили от должности в октябре 1964 года, тоже не смог сдержать слез.

Пленум ЦК утвердил решение Президиума освободить Жукова от руководства Министерства обороны и вывел его из состава Президиума ЦК.

Жукова удивил не один Конев. Отец рассказывал, что уже после Пленума, когда, как водится, началась проработка его решений, на одном из собраний в Министерстве обороны в присутствии самого Жукова, с критикой бывшего министра особо рьяно выступал маршал Москаленко, командующий противовоздушной обороной страны, в недавнем прошлом человек, близкий к Жукову. Его холерический характер военные хорошо знали, на протяжении получаса он мог облить человека грязью, потом расцеловать и снова начать поносить.

На сей раз Москаленко с пафосом изобличал, обнажал и клеймил ошибки Жукова. Тот терпел, терпел, потом не выдержал и ехидно поинтересовался, как понимать сегодняшнее выступление, если еще недавно Москаленко с той же убежденностью советовал ему брать власть. Москаленко смешался. О происшедшем немедленно донесли отцу.

Насколько обоснованно действовал отец? Насколько с позиций сегодняшнего дня представляются оправданными его опасения?

Отец нанес упреждающий удар.

Тем самым он взял на себя всю ответственность.

В воспоминаниях отец не раз возвращается к Жукову и не подвергает сомнению истинность полученной информации, правильность сделанных из нее выводов. Не скрою, я бы предпочел, чтобы в данном случае отец оказался неправ. Уж очень велико у меня уважение к Жукову.

Жуков до конца своих дней отрицал какие-либо бонапартистские намерения, исключал саму такую возможность. Наверное, тщательное изучение архивов позволит в будущем узнать истину. А может быть, и нет. Слишком уж все расплывчато. Пресловутые школы могли создаваться для нужд армии, а Жуков счел возможным самостоятельно распорядиться в своем хозяйстве, не спрашивая разрешения ни у ЦК, ни у отца. Это вполне в его характере.

А могла сложиться и обратная картина: у такого человека, как Жуков, невольно возникает желание навести порядок в доме. Мало ли мы и сейчас слышим, и навряд ли услышим

в будущем, ностальгических речей о железной руке, якобы способной решить одним махом все проблемы страны. В те годы такая рука была. Рука Жукова.

С позиций исторической логики: Жуков шел, не мог не идти к захвату власти, единовластию, оно – стержень его натуры. Жуков не менее, даже более сильная и властолюбивая личность, чем Берия. Но здесь сходство кончается. В отличие от Берии, Жуков не может трактоваться, как отрицательная фигура.

Можно услышать: «Ну и возглавил бы страну Жуков, что здесь плохого?» Возможно, ничего плохого. А возможно, и ничего хорошего.

Стало модным выстраивать параллель между маршалом Жуковым и американским генералом Дуайтом Эйзенхауэром. Стал же последний президентом США, восемь лет весьма успешно правил страной, без какого-либо ущемления демократии. Если даже отбросить, что США – страна с прочнейшими демократическими традициями, а Советский Союз и предшествовавшая ему Российская империя о демократии имели весьма своеобразное понятие, то нельзя забывать: Жуков – не Эйзенхауэр. Жуков по своей натуре – полевой командующий, окопный маршал.

Американские «Жуковы» – генералы Дуглас МакАртур и Джорж Паттон, вояки решительные и жесткие. Их в США к политике на пушечный выстрел не подпускали, а Паттона за разговорчики убрали даже из армии, и это несмотря на все его неисчислимы военные заслуги.

Эйзенхауэр большую часть своей жизни провел в штабах, в том числе в штабе генерала МакАртура, стал профессионалом и одновременно обучился гибкости. Советский «Эйзенхауэр» – это, скорее, маршал Алексей Михайлович Василевский человек политичный, может быть, даже демократичный, склонный к компромиссам.

Не заходя слишком далеко в своих предположениях, попробую вычислить первые шаги Жукова – главы государства. Он, естественно, попытался бы навести порядок, установить дисциплину. Такое правление называется диктатурой.

В экономике, особенно в области сельского хозяйства, Жуков явно проигрывал отцу, с этими проблемами он в своей жизни не сталкивался. Зато он ясно видел, что в военном отношении мы много слабее Америки. В случае вооруженного столкновения нас попросту разобьют. Он не раз говорил об этом с отцом. Считал, что армию следует укреплять куда как энергичнее, тратить на нее сколько нужно, а не сколько можно.

Отец считал, что соревнование с США выиграет не тот, кто больше потратит на вооружения, а тот, кто обеспечит людям лучшую жизнь. Что же касается вооружения, то следует ограничиться необходимым минимумом. И надо постараться ввести в заблуждение противника. Представиться сильнее, чем мы есть на самом деле. В этом отец преуспел. Первый спутник, запуск на орбиту Гагарина, дальнейшие успехи в космосе по своему воздействию на умы американцев стоили десятка оснащенных современным вооружением армий. Жуков же, уже отставленный от дел, глухо ворчал: «В космическое пространство вылетают миллиарды. На полет Гагарина...» Дальше он называл фантастические суммы, не имевшие ничего общего с реальными затратами на полет первого человека в космос. И не мог Жуков знать этих цифр. Как и все пенсионеры, он жил слухами. По его мнению, космос – это баловство, лучше произвести пару сотен ракет или несколько сот танков. Другими словами, Жуков ратовал за многократное увеличение военных расходов, как и произошло при Брежневле. Чем все это кончилось, мы теперь хорошо знаем. Его трудно винить, он военный профессионал и привык мыслить по-военному.

И снова мы возвращаемся к вопросу: намеревался ли Жуков захватить власть? Выводы каждому предстоит сделать самостоятельно. Я уже говорил, что предпочел бы ответить: «Нет», но все, ставшие нам известными, факты вынуждают ответить: «Да». На мой вопрос,

верил ли он до конца доносам, отец ответил, что и у него оставались определенные сомнения, но... на карте стояло слишком многое.

Случившееся, а вернее, неслучившееся еще раз подтвердило: министр обороны не должен входить в высшее руководство. Его дело – исполнять принимаемые политиками решения.

Это мои умозаключения, а вот выводы писателя-разведчика Карпова, основывающиеся на тех же фактах, оказываются диаметрально противоположными. Ничего здесь удивительного нет, история с Жуковым навсегда останется в ряду «загадок истории».

Заглянуть в альтернативную ветвь истории нам не дано. Мировая история соткана из государственных переворотов, амбициозные политики и генералы свергают незадачливых правителей, или все происходит наоборот:

Мятеж не может кончиться удачей,
В противном случае его зовут иначе.

Эти две строки монолога Эдгара из «Короля Лира» Шекспира полностью исчерпывают тему. Мне к ним добавить нечего.

Судьба Жукова легла в русло все той же исторической логики, военачальник его масштаба в мирное время или приходит к власти, или удаляется от дел. Вспомните для примера судьбу Александра Суворова. Его возвратила из небытия только лишь новая военная угроза – Наполеон. К счастью для нас, Жуков остался невостребованным. В неполные шестьдесят один год маршала Жукова отправили в отставку. В нашей стране жизнь опального отставника ох как нелегка. Только и остается утешать себя: во времена Сталина обошлись бы с ним несравненно круче. Слабое утешение. Несладко жилось Жукову при Хрущеве, как несладко Хрущеву при Брежневле. Из современной жизни Жуков выпал. О Жукове старались не вспоминать, его не приглашали на официальные и прочие мероприятия, толпившихся вокруг него «почитателей» как ветром сдуло, остались только друзья. А настоящих друзей всегда немного. Он жил на даче, жил прошлым и в прошлом.

Тем временем генералы, бывшие во время войны в подчинении у Жукова, сводили с ним старые счеты. А он теперь не мог их одернуть и даже не мог ответить – кто решится без высочайшего разрешения опубликовать писания опального маршала.

Однажды летом на даче я стал случайным свидетелем разговора руководителя КГБ Владимира Ефимовича Семичастного с отцом. Семичастный тогда приехал с Брежневым, и мы привычно обходили территорию дачи по лесной дорожке, проложенной вдоль забора. Речь зашла о Жукове. Служба не спускала глаз с маршала. Семичастный рассказывал, что Жуков начал делать записи, видно, пишет мемуары. Отец, молча шагая по дорожке, слушал. Пауза затянулась, а Семичастному требовались указания. Он не выдержал и задал прямой вопрос: «Как быть? – И тут же подсказал: Мы можем негласно изъять материалы...» Отец неожиданно взорвался. Начал он со своего обычного в таких случаях риторического вопроса: может быть, их службе нечего вообще делать? Наконец, выговорившись, закончил: «Не вмешивайтесь. Жуков в отставке, а что делать отставнику, как не писать воспоминания? Ему есть что вспомнить».

Реакция для Семичастного оказалась явно неожиданной, но возражать он не посмел.

Приступил ли тогда маршал к работе над своей книгой или речь шла о чем-то ином, не знаю. При мне больше подобных разговоров не случалось.

Сейчас опубликована направленная отцу в понедельник 27 мая 1963 года совершенно секретная «Записка В. Е. Семичастного в ЦК КПСС о настроениях Г. К. Жукова (№ 1447-с)». В ней приводятся различные критические, обидные, даже очень обидные, на мой взгляд, эмоционально-несправедливые (но не мне судить) замечания маршала в адрес отца, в том

числе уже упоминавшиеся ранее обвинения в неоправданных расходах на космические исследования в ущерб нуждам военных.

Но больше всего Жукова волнует неправильное, по его мнению, освещение истории Второй мировой войны нашими историками и нашими генералами: «...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращенное, но все-таки более честное у немецких генералов, они – правдивее пишут...»

Я пишу все, как было, я никого не щажу. Я уже около тысячи страниц отмахал. У меня так рассчитано: тысячи три-четыре страниц напишу, а потом можно отредактировать...»

Так что воспоминания писались, я не ошибся.

В заключение Семичастный предлагает план действий: «По имеющимся у нас данным, Жуков собирается, вместе с семьей осенью выехать на юг. В это время нами будут приняты меры к ознакомлению с написанной им частью воспоминаний».

Имеется протокольная запись заседания Президиума ЦК от 27 июня 1963 года, на котором выступили: Хрущев, Брежнев, Косыгин, Сулов и Устинов. Жуков на юг еще не уезжал, и Семичастный не имел физической возможности добраться до его записей, а значит, и члены Президиума не знали, что он пишет и о ком пишет, могли только догадываться. И тем не менее, поручили Брежневу, Швернику и председателю КПК Зиновию Тимофеевичу Сердюку «Вызвать в ЦК Жукова Г. К. и предупредить, если не поймет, тогда исключить из партии и арестовать». Для моего уха звучит дико и полностью противоречит тому, что я запомнил. Объяснить это противоречие не берусь. Скорее всего, разговор на даче происходил позже, после беседы с Жуковым, который, как известно, все понял правильно. Отец же к тому времени подостыл, одумался. Верить мне или нет – личное дело читателей, но, зная отца, я считаю такой ход событий наиболее вероятным.

К зиме 1964 года Жуков не выдержал, решил написать письмо отцу, но зачем-то присовокупил в адресаты еще и Микояна. Приведу выдержки из письма:

«Секретно 27 февраля 1964 г.

Первому секретарю ЦК КПСС товарищу Н. С. ХРУЩЕВУ

Члену Президиума ЦК КПСС товарищу А. И. МИКОЯНУ

Я обращаюсь к Вам по поводу систематических клеветнических выпадов против меня и умышленного извращения фактов моей деятельности.

В газете “Красная звезда” от 11 февраля 1964 г. в статье, посвященной 20-летию Корсунь-Шевченковской операции “Канны на Днестре”, маршал М. В. Захаров пишет: “...Создалась довольно напряженная обстановка. В этих условиях координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не сумел организовать достаточно четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага, и был отозван ставкой в Москву. Вся ответственность за разгром окруженного противника была возложена на маршала Конева”.

Вы, Никита Сергеевич, в это время были членом Военного Совета 1-го Украинского фронта и хорошо знаете события тех дней, и мне нет надобности их расписывать».

После освобождения Киева 6 ноября 1943 года отца отозвали с фронта, и он в старой должности первого секретаря ЦК Компартии Украины занимался восстановлением народного хозяйства республики. Членом Военного Совета 1-го Украинского фронта он продолжал числиться, но лишь формально, на фронт не выезжал и в Корсунь-Шевченковской операции не участвовал. Вокруг нее по сей день много неясного, часть историков считает, что лавры победителя присуждены Коневу несправедливо, разгромил

немцев не он, а его предшественник на посту командующего 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин, трагически погибший от рук украинских националистов-бандеровцев. Но это уже совсем другая история, и не мне в ней разбираться.

Далее Жуков «расписывает», как все происходило в его интерпретации и завершает: «В Москву Ставка меня не отзывала, а, как Вам известно, я продолжал помогать войскам фронта отражать наступление противника в районе Корсунь-Шевченковской и одновременно готовить наступление фронта на Чертков и Черновцы.

1-го марта, в связи с ранением Н. Ф. Ватутина, мне пришлось вступить в командование 1-м Украинским фронтом. С 3-го марта, как известно, я проводил Проскуровско-Черновицкую операцию. Операция закончилась успешно, 10 апреля я был награжден орденом “Победа”. Следовательно, то, что пишет Захаров в отношении меня, является его досужей выдумкой».

Жуков искал у отца управу на генералов, еще вчера лебезивших перед ним, а теперь беспардонно охаивающих его в мемуарах, в статьях, в выступлениях на разных собраниях и юбилеях и, в свою очередь, до небес превозносивших отца.

Чуть более чем через полгода те же генералы начнут охаивать отца и превозносить Брежнева. И уже совсем через много лет, оставшиеся в живых снова станут прославлять Жукова.

«Мне даже не дают возможности посещать собрания, посвященные юбилеям Советской Армии, а также и парады на Красной площади, – жалуется в письме Жуков. – На мои обращения по этому вопросу в МК партии в ГлавПУР мне отвечает: “Вас нет в списках”».

После октября 1964 года отец окажется в точно таком же положении. Вот только звать к Брежневу он сочтет ниже своего достоинства.

По получении письма отец позвонил Жукову. О чем они говорили и как говорили, мы, конечно, не узнаем, но Жуков вскоре, 18 апреля 1964 года, посылает отцу новое письмо, которое начинает уже не нейтрально, а обращением:

«Дорогой Никита Сергеевич!

В телефонном разговоре со мною 29.III – с. г. Вы осудили тех, кто на страницах печати порочит мою деятельность в годы Великой Отечественной войны.

После разговора с Вами я прочел в журнале «Октябрь» № 3 и 4 страницы воспоминаний В. И. Чуйкова. Вместо аргументированного анализа исторической неизбежности полного провала войны, затеянной германским фашизмом против Советского Союза, В. И. Чуйков построил свои воспоминания так, чтобы прежде всего прославить себя и опорочить мою деятельность как представителя Ставки ВГК и командующего 1-м Белорусским фронтом в период проведения Висло-Одерской и Берлинской операций».

Дальше идут подробные объяснения, в чем не прав Чуйков и в чем прав он, Жуков. Этот спор между двумя маршалами вокруг Берлина не закончится до самой их смерти.

«Недавно я прочитал мемуары Н. Н. Воронова, – продолжает Жуков. – Чего-чего только он не наплел в своих воспоминаниях. Описывая события в 1939 г. в районе Халхин-Гола, до того заврался, даже рискнул написать то, что он – Воронов – разработал план операции по разгрому японской армии,

тогда как этот план был разработан и осуществлен лично мною со штабом армейской группы, а он всего лишь помог артиллеристам разработать план артиллерийского обеспечения.

И далее Воронов излагает события так, как будто он в минувшей войне играл особо выдающуюся роль, тогда как многое из того, что он пишет, было далеко не так...

Прошу Вас принять меры, которые Вы сочтете необходимыми, чтобы прекратить опорочивание моей деятельности.

Желаю Вам, Никита Сергеевич, крепкого здоровья!

Маршал Советского Союза Г. Жуков»

На письме имеются пометки помощника отца Григория Трофимовича Шуйского: «Тов. Хрущеву доложено. 7 мая 1964 г.» И самого отца: «Напомнить. Приму».

Видимо, после этого письма отец вторично позвонил Жукову. Об этом новом разговоре маршал упоминает в письме, отправленном Брежневу в марте 1965 года.

«Летом 1964 года мне звонил Хрущев, – пишет Жуков. – В процессе разговора об октябрьском пленуме 1957 года он сказал:

– Знаешь, мне тогда трудно было разобраться, что у тебя было в голове, ко мне приходили, говорили: “Жуков – опасный человек, он игнорирует тебя, в любой момент он может сделать все, что захочет. Слишком велик его авторитет в армии, видимо «корона Эйзенхауэра» не дает ему покоя”.

Я ответил:

– Как же можно было решать судьбу человека на основании таких домыслов? Хрущев сказал:

– Сейчас я крепко занят. Вернусь с отдыха, встретимся и по-дружески поговорим».

В книге журналиста Светлишина «Крутые ступени судьбы: жизнь и ратные подвиги маршала Г. К. Жукова» (Хабаровск, 1992) этот же эпизод со слов Жукова записан более развернуто: «В конце августа 1964 года на дачу мне позвонил Хрущев. Справившись о моем здоровье и настроении, он затем спросил, чем я занимаюсь. Я ответил, что пишу воспоминания.

– Ну и как далеко продвинулось дело? – поинтересовался Хрущев.

Я сказал, что в принципе работа идет к концу, уже готова рукопись в тысячу страниц, но она нуждается в тщательном редактировании.

– Это очень интересно, – с оживлением заметил Хрущев и добавил:

– У тебя есть, о чем поведать людям, важно только рассказать всю правду о минувшей войне.

После небольшой паузы он заявил буквально следующее:

– Досадно, но должен со всей откровенностью признать, что в октябре 1957 года по отношению к тебе была допущена большая несправедливость, и в том, что тогда произошло, я тоже виноват. Оговорили тебя, а я поверил. Теперь мне ясно, что эту ошибку надо исправлять. На днях я еду на юг отдыхать. Как только вернусь в Москву, то сразу займусь этим делом и, надеюсь, все поправим...»

Что на самом деле думал отец, зачем позвонил, что говорил, что хотел поправить, остается гадать. Да и сам разговор дается в интерпретации одной заинтересованной стороны. Однако факт разговора несомненен. Не думаю, что отец изменил свое мнение о былом «бонапартизме» Жукова. Скорее всего, ему хотелось по-человечески объясниться с теперь уже не опасным политическим соперником, а старым фронтовым товарищем.

Телефонный звонок продолжения не получил. По возвращении из отпуска, в октябре 1964 года, отца сняли со всех занимаемых постов.

Личные отношения этих двух незаурядных людей так и остались испорченными навсегда.

В книге «Воспоминания и размышления» Жуков почти не упоминает об отце. А там, где без этого не обойтись, пишет о нем, мягко говоря, без симпатии. Что ж, его можно понять.

Отец читать книгу Жукова не стал. На мое предложение принести ее раздраженно отозвался, что ему пересказали ее содержание, но не сказал кто. Он считал, что многое, особенно в отношении роли Сталина в руководстве войной, там преподано в таком виде, в каком Жуков никогда бы сам не написал. Так он и велел передать Жукову, когда тот окольными путями, через родных, поинтересовался мнением отца о своих воспоминаниях.

Что тут скажешь?...

Отец вслед за Жуковым тоже сел за мемуары. «С большой душевной болью пришлось нам, особенно мне, расстаться с Жуковым, – продиктовал он на магнитофон, – но этого требовали интересы страны, интересы партии».